

**Водлозеро – удивительное,
но труднодоступное место
в пудожской тайге.**

**где жизнь зарождалась издавна,
к концу XX века замирала,
в XXI веке надеется силу обрести.**

Со слов моего отца,
Александра Васильевича Коровина,
замечательного рассказчика,
записаны эти истории.
Он родился в 1941 году
(сейчас уже говорит мало, больше
читает).

САНЬКА, ШУРКА, ШУРУШКА

Отца Шурки призвали на фронт в первые дни войны. От него было 3 письма: «Бои идут – земля и вода горит... На пятерых одна винтовка, и та не стреляет...»

Мать в 23 года стала вдовой.

Самое раннее детство – безотцовщина. Рядом – либо сдержанная, суровая мама, либо та – хромоногая тётя Анисья – мягкая, сердечная, добрая.

Редкая радость, когда дома внял маленькая семья, и даже кот, который еще помнил хозяина: встречал с рыбалки, залезал к спящему на шею... Кот был черный, ленивый. Его передними лапами

цепляли за край лавки, он висел и спал крепким безмятежным кошачьим сном...

В избе – широкие половицы, в них – ямки от выпавших сучков. Молоко в эти ямки наливали и для кота, и для Шурки, вместе они и лакали. Только Шурке приходилось вставать на четвереньки, зато он быстрее кота справлялся с молоком.

Чаще маленький Санька оставался один. Мать была председателем колхоза: пропадала на лесозаготовках, на озере или оборонных работах; тетушка Анися, несмотря на сильную хромоту (всю жизнь одной ногой ступала только на пальцах), работала со здоровыми наравне.

...Привели к дедке Афоне трехлетнего Саньку на нянченье.

Санька и запросил у деда тютю. Афоня никак в толк не возьмет: что за тютя? Того да другого предложит, а Санька в рев – тютю!

Мать за сыном пришла к вечеру, тот аж взмок весь. Взмок и Афоня: «Кака така тютя?»

Матушка головой качает: «Экой ты, дедко, неразумный!» Взяла кусок ржаного хлеба да в сахарный песок потыкала – вот и вся тютя. Ешь, Санька!

Приезжал время от времени в гости к сестре, Санькиной матери, брат Иван из Маткалахты. (Говорят, был судим еще до войны и отбывал срок за драку, так всю жизнь с ножом за голенищем и ходил.) Ночевал в избе на кровати у самых дверей. А Шуркина кровать (четыре года уже!) была в дальнем углу. Потребовалось парню ночью по нужде. Идет он тихонько, чтобы дядю не разбудить, а у того борода в потолок, глазом глянет, страшно прошепчет: «А я вижу!» Шурка мигом в свою кровать. Покрутится, повертится – на двор хочется – спасу нет! Он опять к выходу пробирается. Тут уж и тот молчать не стала и шепчет: «Иди на перстиках!» На цыпочках то есть. А хоть на перстиках – у самых дверей опять грозное: «А я тя вижу!» Три раза Санька на сарай шел, да так и не дошел. Ну, и напрудил на пол в избе...

Семья держала двух коров, овец, кур. Сеяли рожь и овес, они вырастали такими, что на поле скрывали с головой. Но все равно голодали, даже несмотря на богатое рыбой озеро. Ели коричневую сладкую спорыню с голода. Спасала болтушка, похожая на клейстер, из шелухи и соломы... Семья за столом. Из горячего чугуна в общую миску налит суп. Есть хочется нестерпимо. В миске поверху – слой жира. Пар не идет. Знакомый «шутник» дядько Ваня подмигивает Шурке: «Ешь! Холодное уже». Шурка и хватанул полной ложкой, так языка и лишился. Мать – причитать. А дед хохочет...

Рагуново хоть и небольшой остров, а прозрачный, на нем не спрячешься. Но все тут есть – и пашня, и огороды, и скалка, и пляж песчаный. И лесок свой есть, и даже голубичное болото. Старшие уйдут на целый день на работу, а ребятам приволье – весь остров в их распоряжении. И купались до посинения, и на деревья забирались, а Бог берег до поры – не трогал детей ни лесовик, ни водяник. И змей не было. Случалось, кого-нибудь из робят дома после работы не найдут, идут на голубичное болото. Там от крепкого духа гоноболи, багульника спит малый на кочке. Несут ягодника на руках домой...

На соседнем Пелгострове мыс называли Сепанаволок (сеппя – кузнец, видимо, когда-то там была кузница), на нем стояла сосна – как маяк. А воду плотиной подняли, сосна упала, и потом волной ее к Рагуново прибило. Лежать не оставили, в дело пустили! А на Рагуново на западном мысу росла у самой воды сосна в два обхвата. Росла, росла, да и высохла. Ее хорошо было видно из окна, и мать с соседкой Пашей Семихиной решили спилить ее на дрова. Дровами жители Рагуново запасались впрок. На материке весной пилили и рубили перелеток, складывали дрова в поленицы, а вывозили зимой, выезжая с острова еще ночью, чтобы успеть обратно по твердому насту. Пила в каждой избе водилась, и не одна. У лесозаготовителей пилы узкие, их вокруг себя оборачивали, отправляясь на дальние делянки. Были и другие пилы, и широкие, и лучковые. Летом собирали по берегам калуги – корни умерших деревьев, вымытые водой из берега, высохшие до звона, дающие долгий и крепкий жар. Было лето, и мать с соседкой на мыс пошли пешком, Шурку оставили дома одного. Сказали – сиди, жди, в окно смотри. Сосна упадет – домой вернемся. Санька облокотился о подоконник и принялся ждать. Ждал долго. Упала старая сосна только к вечеру...

Остров с Ильинской церковью, колокольной и кладбищем местные просто называли погост... Здесь в давние времена и крестили, и венчали, и отпевали, всей округой съезжались на остров 2 августа, в Ильин день. Как пришла советская власть, службу и колокольные звоны запретили, но на кладбище навестить родные могилы водлозеры ездили исправно. Санька любил эти поездки на погост. Лодка идет под парусом. Ветер сильный – где лодку на бок положит да и тащит. У женщин на головах праздничные платки повязаны, все молчаливы, настроены и светло, и строго. До острова от Рагуново недалеко – вот уже вид-

Ильинский погост

Часовня

Деревня на берегу

Берестяной мяч

Рисунки автора

но, как Ильинка выше елей стоит, а деревья – как венец по краям. Ткнется лодка носом в берег, на котором два куста к воде жмутся. Вся свободная земля рожью засеяна. За бревенчатой оградой могилы Коровиных – и бабушки Ирины, и деда Владимира, лежат они у самой церковной стены. Приберут могилы мама да тота, посидят, повздыхают, обойдут кладбище – все тут если не родня, так знакомцы. Пора к лодке...

Дружки у Саньки были – Миша Коренев и Толя Семихин. Девчонки на острове тоже водились, но отли-

чались немалой вредностью. У Саньки с ровесницей Парамоновой Галиной только два дня разницы в днях рождения. Но разве возможна дружба с девчонкой?! Поддразнивать друг друга начинали потихоньку, потом распаялись, обзывались уже обидно, и когда терпеть уже не было сил, гнались за обидчиком, который спасался на дворе родного дома, надеясь на заступу старших. Комиссованный дядько Ваня защищал Саню, дядько Петр – Галину. Галя, подбадриваемая грозным рыком дяди Петра, гонит Шурку между домами – у того только пятки сверкают. А у Коровиных во дворе уже засучивает рукава

дядько Ваня. Санька за Галькой обратно метнется, а там их опять шугают. Бегают до изнеможения, всерьез, до слез, а дядя только ржут...

От девок – одна беда! Шурка катался на санках вечером в сильный мороз. За домом у польня в лед вмерзли большие выездные сани. У старинных сенок были железные, загнутые кверху носы, гладкие полозья. Нинка Семихина несла домой воду. Она была и старше, и находчивее Саньки – предложила ему лизнуть сани. Было заманчиво – заиндевелые санки казались сладкими. Доверчивый Санька всем языком приложился к железным носам, оставил на них кончик языка и уже скоро бежал с ревом к овину – там тетушка молотила рожь. Крови полон рот, голова кверху, дороги не видно. Хрястнется оземь, кровь брызгами... Долго еще «р» не выговаривал... А мать у Нинки позже погибла на лесозаготовках – суком спину пробило.

Валенки из овечьей шерсти, катанки, или каньги по-местному, валяли или катали почти в каждой семье. Как это делали? Просто! Лучины прошиты жилой, сверху бычья струна. В корытце шерсть, в руках – било. Идет час за часом, двигается работа, шерсть становится послушной. Санькин дед валял отменные валенки, известные на Водлозере: высокие, с отворотами! Деда Владимира Ильича в деревне почему-то звали дядя Владя Растуман. И еще Лениным – это понятно почему. Крепкий был – говорили, будто бы он калашом двенадцать мужиков избил. А вот дедке Афоне быка проиграл... Стояли они как-то друг напротив друга и били шерсть на валенки. Заскучили. Решили поспорить и стали, дела не бросая, потихоньку силой мериться. На кон быка поставили. Времени много прошло, вся шерсть кончилась, и спорщики иссякли. Победил в споре Афоня. Ильич посокрушался, что на первых порах изрядно старался, «до ста всего трех раз не хватило», да быка за рога – и со двора повел. Спор – дело чести.

Сделал однажды дедушко Ильич белоснежные катанки и для Шурки. Шурка подался в новых валенках гулять – Толя Семихин позвал с горки кататься. Одна такая горка была над углежогной ямой – в ней уголь томили для кузницы... Белые валенки быстро стали черными, и когда Шурка вернулся домой, тота Анисья запричитала: «А коллоло бы ты в душу... Эдаки каньги «решил!» Выпола виновника, а потом и сама наревелась...

Случались проказы и посерьезнее... Три дружка – Санька, Миша Коренев и Толя Семихин – затеяли строить будку в лесу. Тут как раз привезли в дерев-

ню ящик гвоздей для ремонта конюшни. 200 штук! Хватит и на конюшню, и на будку. Ну, парни и взяли по 5 штук, в углы своей избенки радостно и деловито заколотили. Обжить будку не успели – кто-то донес куда надо. Приехали милиционер Губин и еще двое в фуражках с малиновыми околышами. Пошли по избам, у матерей Саньки, Мишки и Тольки души обмерли. У парней спрашивают: «Сколько было взято гвоздей? Пятнадцать? Делим на троих. По пять лет каждой отсидеть придется...» Дядя Коля Крюков да дядько Ваня Епишин будку из леса на плечах вынесли, углы выпилили, гвозди вынули. Посчитали – все пятнадцать штук на месте. Замяли дело. Никого на этот раз не посадили.

Соседка пришла и говорит: «Ольге Крюковой пять лет дали». Вся деревня шепталась об этой истории с зерном. Колхозное зерно во время войны и после держали в рагуновской часовне, которая служила складом – колокола уже давно ушли на переплавку. Высокие вешала для снопов были в Рагуново, на них провеивались и просушивались на водлозерских ветрах ячмень, овес, рожь. На всю деревню был один овин, в котором с осени до середины зимы раздавался мерный перестук – там обмолачивали зерно. Зерно, которого так не хватало... У Ольги – двое детей – Сашка и Клава, грудная еще. Голод довел до беды. Ольга в темнях (поздним вечером) к часовне пришла, раму сняла, внутрь залезла, на ощупь несколько горстей с половой в свой мешок насыпала, выбралась и раму на место поставила. Да в темноте – не той стороной. И мешок оказался дырявый – на следующий день по дорожке из зерна аккуратно к крюковскому дому пришел Губин с понятиями, и Ольгу забрали... Через пять лет вернулась.

Еще из страшного, о чем рассказывали взрослые: в 1944 году летом бомбили Куганаволок... Санька с Толькой Семихиным играли на берегу в Рагуново. Слышали звук самолета, далекие взрывы. Потом оказалось, налетел самолет, расстрелял стадо коров на горке. Кровь лилась рекой...

Самолет – диковина! Это не привычная глазу лодка. Зимой в Пелгостров прилетали за рыбой самолеты. Услышав шум двигателя, двоюродная сестра Шурки Клава звала их смотреть. Клава на семь лет старше, сажала брата на спину, по-местному – «на кошеля», и бежала во всю мочь. Добегут до Сепанаволока, а самолет уже улетел... А когда успевали добежать, то удавалось рассмотреть в подробностях: в кабине сидят два человека, дверцы в самолете раздвижные. ПО-2 брали

на борт груз «великий» – четыре плетеных двухко-
лечных корзины рыбы. Команда «От винта!» – и
самолет поднимается в воздух...

Как победу праздновали? В дом Кузьминичны 12
женщин принесли кто что смог. Кто ложку масла, кто
мучицы. Но не было ни песен, ни радости. Ни один
дом не обнесли похоронкой. А тетка Паша Попова
ждала уцелевшего на войне сына. Ждала, да не дож-
далась. Кричала и рвала на себе волосы, черные
пряди в кулаках оставались. Сын у нее, демобилизо-
вавшись, уже домой ехал, а его под Виданами уби-
ли... Кто, за что? Так никто никогда и не узнал.

В 1947 году случилась сильная гроза в начале ле-
та. А Санькин дружок Миша Коренев дома был один.
Родители с работы пришли, окно открыто, а Миша
лежит на полу неживой. Что делать? Поплакали, по-
хоронили. На Ильинском погосте тогда сторожа ста-
рички жили. То ли за кладбищем присматривали, то
ли за колхозной рожью – там, где она колосилась,
теперь молодой ельник растет. Ночью из-под земли
стук раздался, сторожа на колени пали и давай мо-
литься. Дело было накануне Троицы. Назавтра об
этом узнали деревенские. Сmekнули, в чем может
быть дело, решили могилу вскрыть. Крышку подня-
ли, а в гробу все перевернуто, и парнишка лежит ли-
цом вниз. Видно, «молоньей» (молнией) его сильно
ударило, а земля заряд-то и оттянула. А только Ми-
ша не достучался. Мать на глазах поседела...

В деревне в каждом доме держали лошадей, ко-
ров, овец, и сена для всей скотины запасти на одном
острове было невозможно. Хорошие покосы были
на реке Чепше и Шуестрове. Сено перевозили зи-
мой по льду, летом – две лодки свяжут жердями бок
о бок на длину весла, и не одна копна по воде добе-
рется до Рагуново. Сено затолкают по просторным
сеновалам, и скотина надолго будет обеспечена
сладким солнечным кормом. У Коровиных сарай к
концу лета тоже был битком набит сеном. Чтобы оно
проветривалось, дверь на съезде была открыта, а
Санька крутился рядом. Каким чудом у него в руках
оказались спички? Какая сила заставила проложить
от порога дома до сеновала дорожку из сена, соло-
мы и листьев и поджечь эту дорожку у дверей избы?
Огонь бежал вперед весело и быстро, и заворожен-
ный Санька шел рядом, не отводя глаз. И, конечно,
шел бы за огнем до сена, но тут его позвали ужинать.
Перед самым сеновалом Санька затоптал огонь и
побежал домой. Первой следы его преступления
обнаружила тота. Уж она старалась дотянуться до
него, спрятавшегося под кровать: «Кололо бы тя... А
был бы ты проклят, чуть без дома не оставил...»

Поджигатель Санька был тот еще. Однажды за-
палил двенадцать сажен березовых дров у дедки
Афони – уж больно ему нравилось смотреть, как
от жара береста закручивается! Полыхнуло до
небес черным дымом. Народ набежал, залили
дрова... Санька спрятался в доме, забился в угол,
в щель между высокой старинной кроватью и сте-
ной. Ножка у кровати подломилась, перина поко-
силась, парня подушками задавило. «Где мерза-
вец?» – искали до вечера. Когда большой страх
прошел, насилу сам выбрался...

Глядишь, через пару дней Санька на заднем
дворе уже плотно набивает молодой берестой
дырявый чугунок, устраивает его в земляную яму,
разводит огонь, «томит» бересту и гонит тягучий,
крепко пахнувший деготь... Все по-настоящему,
как взрослые делают!

Отчим Шурки Сергей Ионович Евтифеев родом
был с Белого моря, из села Шуерецкого. В 1937 го-
ду окончил педучилище и был направлен на работу
на Водлозеро. Здесь женился на местной девушке
Шуре, и в 1939 году у них родился сын Аля. В 1941
году Сергей Ионович не избежал участи большин-
ства мужчин страны. После педучилища он хорошо
владел финским и немецким, поэтому попал в раз-
ведку, находился в Финляндии, имел легенду о про-
исхождении из богатой раскулаченной семьи, вы-
полнял специальные задания. Одно время был в
батраках у богатого финна и искал местонахождение
подземного военного авиационного завода. Однажды к
хозяину пришел местный священник, и в
это время «батрак» сказал или спросил что-то про
ведро, назвав его так, как не принято было называть
на диалекте той местности, из которой он, по леген-
де, прибыл – то ли «ампери», то ли «юмпери». Свя-
щенник заподозрил неладное, донес куда надо, и
разведчик угодил за решетку. Говорит, что провала
не было, спасло умение играть на пианино и при-
рожденный талант актера, но известно, что после
ареста весил он 47 килограммов, был сильно ранен
в бедро, не мог долго связаться со своими. Самое
страшное, что в неразберихе войны потерялись его
документы, которые наконец нашлись только в 1957
году. Тогда же он был награжден медалью «За отва-
гу». О том, что испытал тогда, до конца жизни вспо-
минал неохотно и рассказывал мало...

На Водлозеро он вернулся с войны не в победном
1945-м, а только в 1947 году. Вспоминают, с печат-
кой на пальце. А Шура его не дождалась и вышла за-
муж за другого. Сергей Ионович сошелся с Марией
Коровиной, и она родила еще 5 детей – Валерия,

Людмилу, Надежду, Николая и Алексея – сводных сестер и братьев Шурки. Сергей Ионович сильно пил все эти годы, да и потом пил и буянил, словно мстил первой жене за то, что не дождалась его с фронта, мстил Марии и детям за то, что жизнь после войны складывалась не так, как хотелось бы. Бывший разведчик бил о стены посуду, выгонял пасынка на мороз, и если бы не добрые люди, такие, как Ольшины из Куганаволока, неизвестно, записывались ли бы сейчас эти истории. Несмотря на все это, каждое утро подтянутый и собранный учитель шел в школу и учил детей. Учителем он был отличным. С тех пор семье пришлось поменять несколько мест жительства – отчима постоянно переводили из одной школы в другую: выводить на уровень, поднимать успеваемость... Спустя много лет, когда Мария Коровина умрет от стенокардии в возрасте 68 лет, Сергей Ионович, не переждав и месяца, сойдется с первой женой Шурой, уже свободной к этому времени, и уедет с ней в Пёлгостров, который аккурат напротив рагуновской деревни...

В 1950 году семью перевели в водлозерское Загорье. Там Шурка учился в 3-4 классах.

Шурка наловчился рыбу ловить. Что старики подсказали, где сам приметил. На мелководье, на луде Мачечихе, клевали рыжие пузатые окуни. На Осиновой луде, где никаких осин в помине не было, ловились окуни черные и узкие. Только на реке Келке и еще на Кривом пороге хорошо брали язи. Было пять таких мест, где ловился язь, – по три рыбины с одного места. Закинешь удочку в «окно» среди листьев кубышки, тебя тут как будто ждали язи: маленький, средний, большой. И дальше сиди не сиди, ничего не поймашь.

В Загорье мошка одолевала особенно. Спасали дым и марля. А еще водились там летучие мыши. Недалеко от деревни – груда огромных валунов, все в зарослях малины. Из черных дыр между этих камней всегда тянуло холодом. Оттуда и вылетали на божий свет летучие мыши... Ночью в белом платке или в белой рубашке не пройдешь – нападут, напугают!

Жил здесь Шишов Семен Федорович, поговаривали, будто бы бывший белогвардеец, постоянно ходил в фуфайке и ватных штанах, и летом, и зимой носил рыжую шапку с опущенными ушами, надвинутую на глаза. Морковь и лук у него на огороде были отменные. Лук, размером с хороший кулак, Семен Федорович продавал в Пудоже санями, телегами. Ребятня с огорода таскала и лук, и морковь поти-

хоньку. Понятное дело. А он солью из ружья стрелял. Как-то и дробью зарядил, у одной девчонки соседской та дробь по сию пору, должно, в плече сидит...

Неподалеку от Загорья был остров, а на нем деревня Гольяницы с двухэтажными домами и просторными дворами. Стояла часовня, был брод из Загорья. Там жил Иуда Матвеевич с женой и дочерью, убежденный коммунист, партийный. В 1921 году белые пытались его схватить, но он вплавь добрался до Загорья, укрылся в подполье у Павла Устинова. Так или не так, но говорят, тот его и выдал. В Загорье Иуду и расстреляли, позже в родные Гольяницы перезахоронили. Сын у Устинова – Теодор, или Дорка по-местному, вырос злым – жену Клаву по деревне водил: в руках ружье, палец на курке. А Клава идет спокойная, и голова вверх поднята... Был у Павла еще сын Людвиг, парень отчаянный. На спине – тридцать два ножевых ранения, все по «хулиганке». В Колгострове строили причал. Апрель. Ставят «быки», нужен трактор. Трактора в Колгострове нет, как его туда доставить? Дорка – в трактористах. Он окно в кабине снял, прицепил к трактору деревянные сани, сам в сани сел, к рычагам привязал веревки. Скорость врубил и пошел по фарватеру. Трактор провалился под лед в пятидесяти метрах от берега. Тракторист спасся, и трактор после достать удалось. Взрослые кто осуждал Дорку, кто помалкивал, а для мальчишек это было настоящее геройство...

Мир становился все больше и шире из собственных Шуркиных наблюдений и рассказов взрослых. Тота Анисья, вернувшись из редкой поездки в дальние края, ахая и всплескивая руками, говорила про улицы широкие, дома двухэтажные... Что это было? Деревня Луза на реке Илексе, родственные встречи? А может быть, Каргополь, куда возили рыбу и откуда привозили зерно и муку? Шурка этого и не запоминал, в памяти задерживались обрывки. ...Рассказывали про Вамскую плотину, живущего там с семьей лысого еврея Бакина, который хвалил здешнюю землю, называл ее «чистый чернозем» и обещал в скором времени устроить тут Украину. ...А в 26 километрах от Куганаволока есть Сердечкина Изба. Там – постоялый двор, постели, вино, конфеты. Всем направляет хитрый и оборотистый хозяин, а жена Шаня в хлеву через год рождает ему детей, когда по двое, когда и сразу троих.

С 1954 по 1956 год Шурка в интернате в Канзанаволоке. Позже в Канзанаволок переедут и отец с матерью.

С шести лет Санька сидел на лошади. Поначалу было страшно – как удержаться на широкой лошадиной спине? Но в первое время всегда были рядом надежные взрослые руки и лошадь – спокойнее не бывает. В Канзанаволоке уже приходилось работать в колхозе, зарабатывать трудовни. Хорошим другом, напарником и работником был конь Орлик, который послушно тянул плуг и борону, но при этом состоял на учете в военкомате. Одной тяжелой за тяжкой весной конюх принес и положил на стол председателю «репицу» – остаток конского хвоста. Пробовали: «Вот... Орлик... Волки съели».

Летом у самого берега Шурка с товарищами ловил щурят травяными петлями. Вытянут рыбинку, она с палец всего, а совсем как настоящая – и глаза злые, и полные челюсти зубов. Занятие увлекательное! Однажды босыми ногами чувствуют пацаны – под водой доски. По краям доски камнями прижаты. Камни сдвинули, доски подняли – под ними пучки травы, длинной, желтой. На воздухе трава враз почернела. Что за дела? А это мочелизе. Бабы перед самой войной лен вымачиваться положили на неделю, а достать не достали. Не до того было...

Дисциплина в те годы была строгой, это на себе чувствовали и дети. Флаг заменял часы. Спустили с мачты флаг – для всех наступает время обеда. И для отдыха тоже находили время. В игры играли и дети, и взрослые. В рюхи: выбивали столбики за черту; в городки: бабка в окошке, дедка в колодце, письмо... Середину выбил – открыл... На попа, рак, чиж! Любили лапту. Мячи были берестяные, их катили из коровьей шерсти, из каучука резали резиновые, у «богачей» имелись арабские. Играли подолгу, с азартом...

В деревне и летом и зимой забав много. А самая лучшая зимняя – с крыш съезжать в снежные сугробы. Ширков Вася с Марьеострова носил шапку, у которой весело торчал вверх меховой гребень. За это его прозвали пожарником. Отец у Васи был конюхом, конюшня парню что дом родной, он там часто пропадал. Вот в марте и катался с крыши конюшни. Дружков рядом не было, а когда к вечеру Вася домой не пришел, бросились взрослые деревенских ребят спрашивать – где? Кто-то про конюшню подсказал. Там его и нашли, в сыром, тяжело снегу, где он увяз по самые подмышки, выбраться сам не смог, охрип от холода и бесполезных криков. Но главное, был жив. Домой принесли, отогрели. Даже не обморозился.

Отчим окончил педучилище с драматическим уклоном. Он давал концерты и представления на октябрьские и майские праздники. Видят люди – в драповом пальто, с Шуркой и объемным чемоданом по деревне идет Ионыч. Значит, будет диво. Клуб – битком. Шурка уже сидит под столом с отверстиями, отчим просит из зала часы и кладет их в шляпу. Бьет по шляпе (а по-настоящему – по мешку со стеклом) молотком, зал ухает, но вскоре целые часы возвращаются расстроенному владельцу. А потом еще из газет ленты и платочки из рукавов...

Дома свои «представления»... До самого утра. То пузырек в рот опрокинет: «Муся, я отравился...», пена у рта. Побегут за врачом, а Сергей Ионович пошутил...

В избе-читальне в Канзанаволоке собиралось много молодежи на танцы под гармонь. Гармони радовались очень. Была и балабайка, но ее в пляске было не слышно. У каждого гармониста – свой характер, своя манера: один в шинели ходил, гармонь ставил на колени, на запахнутые полы. Другой проигрыш заведет и про песню забудет. А Пименов из Колгострова всегда носил инструмент в картофельном мешке. По многу раз плясали водлозерскую кадрили из шести частей. Санька помнит все фигуры. Он тогда потихоньку начинал осваивать гармонь, и школьные учительницы уговаривали его поиграть по-дольше на деревенских танцах.

Как это было?

1 часть. Знакомство. (Выйду я на реченьку)

Девки подходят, кавалеры обходят их вокруг.

2 часть. (Светит месяц)

3 часть. (Яблочко)

4 часть. (Коробочка, коробейники)

5 часть. (Барыня)

Мужики крутят всех девок
по очереди, подолы кругом, у мужиков
в зубах самокрутки, сыплются искры.
Воротнички у кавалеров на пиджаки
выпущены, штанины заправлены
в сапоги, голенища гармошками.

6 часть. (Краковяк и снова барыня)

Заканчивая, говорили: «Кавалеры к Богу, барышни к порогу, музыкантам спасибо». Если девушка парня обижала, он не давал развернуть меха гармонисту. Еще пели частушки и плясали. «Киж» – девушки стоят в затылок друг к другу, мелко дробят. Первая спела, ушла в хвост, заводит другая.

*Пойдемте, девочки, киха, ой, киха-кижоночка,
Пропоемте-ка частушки про мово милееночка...*

Любили «Портянку» – шеренга на шеренгу шла с притопом:

*Раз портянка, два портянка, три-четыре до пяти,
Разрешите-ко, товарищи, портяночку пройти...*

«Семеновна» – значит, частушки по кругу, а в проигрыше танцевали.

Кино долго было в диковинку, да и электричество здесь появилось поздно.

Время от времени появлялись в деревне «экспедиции» в полувоенной форме с оружием в чехах. Что искали? Потом узнали – искали место для Плесецкого аэродрома. О том, что нашли, знают по сию пору – слышно...

Тота Анисья племянника баловала – купила ему гармонь, на которой он живо выучился играть, и ему удавалось допоздна задерживаться на танцах, не сделав уроки. Позже на свадьбу подарит ему мотоцикл и часы за 300 рублей. При строгой и даже суровой матери тота Анисья была сама доброта и душевность. Замуж она так и не выйдет, станет няней для трех поколений детей, доживет до ста двух лет, сохранив до последних дней ясную память: «Богатеев не знавала – кто хорошо работал, тот хорошо и жил. Купцов помню, войн сколько, помню, а начто живу? Зачем Бог меня к себе не приберет?» Умрет Анисья в Покров, 14 октября. Над гробом у могилы низко пролетят три лебедя, тяжело рассекая холодный воздух...

В 1957 году снова Загорье.

Саньке 17 лет, он – секретарь сельского совета, продавец. 750000 подотчетных рублей, товару – от буханки до иголки. К счастью, этот груз ответственности на плечах Александра Васильевича лежал недолго. Вскоре он уже был в рыбаках. К этим годам оценил достоинства лодки-водлозерки: надежная и мощная, длиной 6 метров, поднимает 2 тонны груза. Парус – к домотканому половику пришитые ушки – 12 квадратных метров. Четыре березовых весла в пальцах-уклюжих, березовых завертках. Нос у лодки высоко поднят. Поэтому водлозерка носом шлепает, а кижанка воду режет... Водлозеры обязательно смотрят за ветром. Сиверик дует три дня, или шесть, или девять; двенадцать дней – реже редкого. После этого успокаивается. Западник, шелоник, гуляет и день, и ночь, а восток, восточный ветер, убирается на ночь домой, к бабке.

В начале 60-х отчима перевели на новое место работы в Ялганду. Это был молодой леспромхозовский поселок в глухой пудожской тайге.

Шурка с братом должны были своим ходом перегнать корову от Куганаволока до Ялганды. Бабушка Стогова из Загорья, сухонькая, сутулая, в черном платке и черном фартуке, с ухватом, «отпуск» давала – обряд скотий, древний. Как шли? Первый день – 25 километров до Сердечкиной Избы корова парней за собой тащила. На другой день 33 километра до Соснового впереди бежала. На третий день 10 километров до Сумозера и 18 до Пудожа весело шла. От Пудожа до Ялганды 33 километра ребята машиной ГАЗ добирались, а корову повели дальше отчим и сестра Шурки Люсенька. Так вот, корову силой тащили. Упиралась, не шла корова. Ведь «отпуск» коровий бабушка на парней давала, не на Сергея Ионовича...

Шурка вспоминает: едем на машине – радость. Чем ближе подъезжаем – не по себе. Где протор? Где ширь, да гладь, да божья благодать? Ни света, ни горизонта. К самой дороге лес подступает. Нескоро и внезапно деревья будто поредел: подъехали к Ялганде. Дома щитовые, на столбиках. Ни озера, ни речки – ручей. И люди – вербованные белорусы, чакают, чокают, акают: «Парадак, трапка, качярга...» Сердце защемило. Как тут жить? А жить надо. Стал Санька в лесу сучкорубом работать. Другое бытие началось, настоящее, взрослое...

ЖИЗНЬ БЫЛА ВЕСЕЛАЯ...

ВШале в небольшом бревенчатом доме живет Клава Киприна. Боевая, работающая, громкоголосая, с темным от солнца и ветра лицом в лучиках белых морщин. Она одна поднимала двоих сыновей, работала на лесозаводе. Сейчас ей за восемьдесят, в 1933 году родилась. Дождается детей и внуков в гости, занимается огородом, ходит в лес. Самостоятельная и независимая, гордая и решительная была с детства. Детство прошло на Водлозере. Об этом она сама рассказывала. Все с ее слов и записано. Любимая приговорка – жизнь была веселая...

«Сама-та я родом с Вами. Все родные – на Рагуново жили. Дед Коровин Владимир Ильич держал коров, лошадей, овец, ловил рыбу, конечно дело. Вырастил четверых детей. Я с Санькой Коровиным, двоюродным братом, не то чтобы нянькалась, а вроде как и порядничала... Дяинка Мария

(жена брата мамы Василия) была рыбачкой, хромоногая тота Анисья смотрела дома за скотом и работала в колхозе куда пошлют. В Рагуново все было по-другому, чем на Ваме. Там жили лучше, потому что у их был колхоз рыбацкой. Они ловили рыбу и сдавали в Пелгостров на склад. А их отоваривали всякими продуктами, вплоть до материала. А и мы жили когда-то богато, но во время войны все променяли в Кенозеро. У мамы были платки гарусные с кистями, сарафаны девочки, перинья, подушки, самовары. Все променяли, у меня тряпишки не было одить. Тота Анисья со своего сарафана мне тресту вырывала и шила сарафанчик красивой. Я и рада. Штанишков в ту пору не было, попа гола, зато сарафан как новый...

У нас на Ваме семья небольшая – пятеро: четверо братьев да я. Отец был во время войны председателем, а через нашу деревню везли эвакуированных, не однажды его потрясли за грудь – давай лошадь! Ему все так было тяжело! Он в 1943 году весной пошел пешком в Пудож, в военкомат, записался добровольцем на войну. А на войну его не призвали сразу, потому что он был сердечник. Но в финскую войну он воевал, был поваром. Вот взяли его поваром и сейчас. Он на Ваму с Пудожа пешим вернулся, отдал печать Кореневу Гаврилы. А у нас корова не могла растелиться, пришлось убить. Папа мамы сказал: «Паша, война кончится, я вас найду». И ушел. Остались мы без коровы, да еще дедушка Филя, папын отец.

Забратый был на войну мой старший брат Алексей, а ведь он, можно сказать, ребенок, с двадцать седьмого года. Полтора года воевал, оказались в Прибалтике. Они что-то у танка ремонтировали. Высунулся он из люка, видит – идет старичок, несет два ведра воды. Алексей крикнул: «Папа!» У него обоим ведра с рук упали. Вот такая была встреча у отца и сына всего на полчаса. Папа шесть месяцев до Победы не дожид, от сердечного приступа умер. Похоронили его у Вильнюса. Я к нему на могилку ездила, пока силы были. ...И Алеша ведь до дому не доехал. Еще четыре года в армии был. Письма писал, а потом письмо из части пришло: «Похоронили».

Мама нас никогда не ругала, не то что бить. Война, голод, она боялась, что нас не дорастит, говорила – наобижают чужие люди. Мама работала и прирабатывала, где только можно было заработать – конюхом или на скотном дворе, а летом пастухом. Я не знаю, когда она спала. Вечером рыбу варим, а утром надо печку вытопить, хлеб спечь. А еще между дел калуги (дрова) заготовить, зерно собрать, высушить, обмолотить,

смолоть. Очень тяжело было нашей мамы, и откуда она находила столько силы, неведомо...

Рыбу всегда чистила мама, а я мыла и варила ее вечером на шестке против устья русской печи. Котел ставила на трехногий таганок, разводила под ним огонь, рыбу укладывала да еще прижимала сверху, чтобы больше влезло. Закипит вода, и рыба из котла вылезать начинает. Маме приходилось ее снимать, а братья ругались, что я маме лишнюю работу делаю. Но они меня все равно любили и не обижали. Жизнь была веселая!

В тое время Толя и Вова уже учились в Куганаволоке, Вася работал на лесозаготовках, а я в колхозе на разных работах. Алексей-то у нас был смекалый, находчивый, а Вася – спокойный, неторопливый, он всем доверялся, ему давали невыгодную работу: оборона, ФЗО, сплав леса... Работал много, получал мало. Он у нас был неудачник. Вася вдруг не стал слушать распоряжения бригадира, сказал – работать в колхозе не буду. На него составили акт и посадили в тюрьму на полгода. Вот так он и вышел из колхоза, по-другому не отпускали, такой был закон: отец колхозник, мать колхозница и дети тоже должны быть колхозники. И пенсий никаких не давали. О ту пору шепотом загадку загадывали: «Что это, что это – в тряпку завернуто?» Не знаешь? Дак это колхозник. Вот когда Вася отсидел, с колхозу вышел и смог получить паспорт. Потом работал в Подпорожье, в Шале. Дома он бывал мало – то сельсовет куда-ни отправит, то сам уходил. Так-то у нас на Водлозере парни не худи. Они сильные в работы, и голова на месте, понятливы и сообразительны. Дак ведь на рыбе выращены. В ней, говорят, фосфор.

Братья доучились в школе, у Толи были «4» и «5», а я школу не залюбила. По математике-то успевала, по русскому не так. Дак и с математикой были дела: как-то вызвали Киприну, спросили таблицу умножения на 10. А я сказала, такой нет. Учитель меня поставил к печи, смотрю я в русскую печь и молчу. Оставили после уроков. В школе тьма, ни огонечка, ни лучины, ни керосиновой лампы. Я и забоялась. Пошла в дверь директору стучаться. А он сказал, иди повалишь в интернате и спи.

...Я кончила школу в сорок шестом году. Меня оставили на осень сдавать русский, ну, я больше в школу и не ходила, стала работать в колхозе на разных работах. Быка водила за повод, пахала, боронила. Сено сгребляла на сенокосе. На стогах стояла. Снопы возила к гумну, а зимой – сено с пожен на

двор, возила и навоз на поля. Руки мерзли очень. Сорвешь со стога клок сена и руки греешь.

Как с лошадыю управлялась? Лошади были глупые, как и мы, дети. Как запрягать – кто постарше, подведет лошадь к съезду, младший заберется наверх, двое хомут надевают, а лошадь сама голову в хомут пихает. А вот когда надо на поле поворачивать, тут у нас по одному силы не хватало, кричишь да плачешь. Веселая была жизнь...

За нашей скотиной все лето – глаз да глаз: ди-кой лесной берег. А на острове в Рагуново коро-вы бродили где хотели без пастуха, к вечеру сами приходили домой, а овец выпускали весной и до осени не закрывали. К этому времени они совсем ошалевали... Их загоняли куда-ни в узко место и ловили всей деревней. Как разбирали – где чья? У каждой хозяйки – свои приметки: когда овец стригли, оставляли клочки шерсти кто на шее, кто на боках, кто на головы. А уж ягнята, приплод, держались каждый у своей матери.

Любила я гостить в Рагуново, когда из дому спускали! Но вот как поспеют ягоды, я на Ваме! Рыба-то она на Водлозере везде, а лучшие яго-дные и грибные места – на матёре, на берегу. В лес и на рыбалку ходили одны, без старших, никого и ничего не боялись, никогда не блудили, видно, нас Бог берег. Да с утра-то не выйдешь – работа! А после работы, уже в сутёменках, бежишь на боло-то. Наизусть святых нарвешь где ягоды, где мох, а ночью с лучиной с мамой разбираем, сдадим хоть за копейки. Надоть ведь налог заплатить, дров вы-писать. И парней в школу в одных домотканых портках не отправишь. Веселая жизнь!

Кудряшов Алексей Михайлович как пришел с вой-ны и все-то время с намы, недоростками, работал. Мне тринадцать лет было в ту пору. Убирали мы в ок-тябре картошку, с нами была и бабушка Коренева Анна. С утра мы работали, потом обедали, и Алексей Михайлович говорит: «Хотите, я полную избу напущу волков?» А нам, конечное дело, захотелось в избы волков увидеть. Он нам велел на печь забраться, с намы поместилась и бабушка Анна. Сереже Сатину было велено лезть под стол. И еще Алексей Михай-лович сказал, что, как он ударит рукой по столу, Се-режа должен сказать: «Как насчет волков?» Вот мы сидим на русской печи, Алексей Михайлович по сто-лу ударил, Сережа из-под стола спросил: «Как нас-чет волков?» И тут Алексей Михайлович говорит: «Нет в здешних местах столько волков, сколько вас на печи дураков». Бабушка давай его ругать, а я так смеялась, что уже в боку кололо. Хорошо, что Сере-жа Сатин меня в коридор вытолкнул, а то я от смеху бы померла. Вот такая веселая была жизнь!

Как мне исполнилось семнадцать годов, дали мне быка списанного, он был не в силах работать. Но на собрании решили, что 15 соток в день па-хать сможет, а то и все 30. Но в первые дни я не могла столько вспахивать, потому что у него ноги тряслись. Когда надо было в горку ставить, я его не била, я с ним разговаривала, травки на межи-не нарву, покормлю, поглажу. Скоро стала пахать по 25 соток. Выеду пораньше, кончу попозже, вот такая веселая жизнь...

Приезжали мы в Чуюлу в клуб, там жить было лег-че, все-таки клуб, сельсовет, школа-интернат, мед-пункт. Можно было заработать денег, хоть дров на-пилить пилой-поперечкой. Только плохо я в моло-дости была одета, купить не на что, но душа была молодая, хотелось петь и танцевать. И танцевали, и кадрили, и краковяк. Пусть и не всегда пригласят, но всегда было весело. Дружила с парнями, а как же! С Исаевым Толей – три года, красивый был, как цыган, и волосы с кончиков вились. Но я ему поче-му-то не верила. Он в одно время дружил и с Ниной. А потом на ней женился. Когда мы были в рыбаках, он мне покаялся, а я сказала, значит, ты не мой и был, а у меня мой будет. Потом Толя ушел в армию, Нина загуляла, он ей написал с армии, что он того не простит. Она уехала в леспромхоз и вышла за-муж. А Толя застрелился потом...

Как стало мне двадцать два, я работала в рыбаках за девять километров от дома. В бригады меня це-нили, я была хваткая и поворотливая. Приеду домой, а мама ругаться: вырастила вас, а теперь хоть одна на печи замерзай. Да и правда – Толя в армии, Вася в Шале, Вова на тракториста учится, а она одна.

Вася приехал из Шалы и забрал нас с мамой. Но мне справки не дали, пришлось выйти замуж за пер-вого попавшего, боялась тюрьмы, ведь Вася отси-дел шесть месяцев, а меня спасло замужество. Только муж упрекал потом: «Я тебя в люди вывел, а так бы ездила всю жизнь на лошади...»

Я стесняюсь с грамотными людьми быть в об-ществе, но десять раз ездила в санаторию. Я хоть и проста, но меня уважали. Женщины гуляли, улыбались, вспоминали свою молодость, а я ма-ленько замкнулась. Жила с мужем, росла де-тей, думала, все одним пером мазаны, а не так все, выходит. Веселая жизнь...»

**Записано в 2002 году со слов
Клавдии Михайловны Киприной.
Шала, Пудожский р-н.**

ЭПИЛОГ

Вспоминает младший сводный брат Александра Коровина, Лёша, Ленка, Алексей, родившийся уже в 50-х:

– Свободы на Водлозере было столько, что в детстве казалось – по-другому и быть не может. В лодке у берега ляжешь на скамью, свесишься за борт – плещется вода, а кажется – рыба. Наклонюсь, ищу. Вижу только солнечные блики. Весь измажусь в смоле, а рыбы нет....

Мама по случаю то ли нашла, то ли купила нам с братом новые ситцевые майки и трусы. Куда в них идти? Пошли к озеру. Озеро цветет. Один брызгался, второй в воду упал, кто-то кого-то тянул на берег. Дома сильно попало – новые майки и трусы узнать было невозможно...

Мы не голодали, но вот колупали печку, ели глину. Хотелось много, не хватало. Мама сказала – за глиной поедem. Поехали на лодке вдоль острова я и брат Колька, мать на веслах. Она вышла из лодки, ковыряла глину на берегу. А мы ревели: боялись, что волной унесет. Она ведро глины принесла, только той глины не хотелось. Домой приехали, печные трещины замазали, и мы уже через несколько дней стали глину ту выковыривать...

А вот еще лук, которому завидовали все. Воровать страшно, дед стреляет. Мы бросали палку

через изгородь на гряды. Дед ворчал и выбрасывал за забор сломанные перья. Только и надо – собирай. Сладкие нежные луковые перья!

Хотелось скорее стать взрослым. А зимой взрослые ставили силки или петли на зайца. Пошел проверять один самолично. Попал лыжей в петлю сам, едва освободили...

Ялганда... Поселок как возник вмиг, так и «уехали всех» за три месяца. Мы, дети, заглядывали в опустевшие дома, куда уже никто не вернется. В одном сарае видели икону в человеческий рост. До сих пор забыть не могу.

А матушка Мария Федоровна не может забыть, как соль ела. Сидела за столом одна, старшие познай где, есть хочется. Смотрела на берестяную солонку, в ней кристаллы соли – крупные, как льдинки. Взяла один кубик, на язык положила, вкусно... Еще один взяла. Еще один достала. Не остановилась, пока солонка не опустела. По полу каталась, живот болел. Наелась соли на всю жизнь...

Ирина Александровна ПОЛЕВАЯ (КОРОВИНА)

родилась в Пудоже.

Окончила филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работала в школе,

затем – в сфере дополнительного образования –

туризма и краеведения.

В «Севере» публикуется впервые.

